ОВИДИЙ ГОРЧАКОВ

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор известных читателю книг «Вызываем огонь на себя», «Лебединая песня», «Падающий дождь», «„Максим“ не выходит на связь» писатель Овидий Горчаков в своей новой книге остается верен главной теме собственного творчества, вновь обращаясь к героическим советским разведчикам, к их боевой работе на фронтах Великой Отечественной войны.

В центре внимания писателя — войсковая часть 9903, которую прославили Зоя Космодемьянская, Леля Колесова, Вера Волошина, Борис Крайнов, Константин Заслонов, Григорий Линьков и многие другие.

В рядах этой части начал свой трудный боевой путь разведчика и сам О. Горчаков, прошедший по тылам врага от Десны до Одера — на Брянщине и Смоленщине, в Белоруссии и на Западной Украине, в Польше и в «имперской провинции Вартеланде» — в Германии.

- Овидий Горчаков
  - ○

Овидий Горчаков
Они встали на пути «Тайфуна»

Повесть о восьми героях

Память сердца звала меня на этот завод. Давно звала — больше тридцати лет. Почти ежегодно встречаясь с товарищами по части особого назначения в праздник Победы, я вспоминал о пятерке с завода «Серп и молот», поднимал бокал за их светлую, незабвенную память, вспоминал их часто в своих печатных и устных выступлениях, а вот выбраться на их родной завод, посмотреть, где и как они работали, все случая не было. И вот такой случай представился: приближался праздник Победы. Вот и Золоторожский вал.

В заводском музее я увидел лица боевых товарищей. Прекрасные молодые лица. Умерев за Родину, эти пятеро навсегда остались молодыми. Над ними не властна время. Их имена никогда не сотрутся в памяти: Костя Пахомов, Коля Галочкин, Коля Каган, Паша Кирьяков, Витя Ординарцев. Мы знали в части, что Костя — молодой конструктор, остальные четверо «серпомолотовцев» числились у нас в сорок первом

рабочими. Только теперь узнаю профессии друзей: Галочкин — тоже конструктор, Каган — инженер, Кирьяков — машинист завалочной машины, Ординарцев — монтер.

Костя Пахомов и его ровесники пришли на завод лет через двадцать с лишним после Великого Октября и конечно же воспитывались на славных заводских традициях. Когда в ноябре 1941 года пахомовская пятерка откликнулась на призыв ЦК ВЛКСМ и пошла добровольцами в специальную партизанскую часть, ребята не могли не вспомнить боевых традиций своего предприятия.

Чем жили Костя Пахомов и его товарищи по заводскому комсомолу? Не только романтикой, героикой прошлого. Не сравнишь старую Рогожскую заставу с заставой Ильича, не поверишь, что «Серп и молот» — это бывший «Гужон».

Как-то до войны в клубе выступали ветераны «Гужона». Некоторым из них еще и пятидесяти не было, а казались они глубокими стариками. Все жилы выматывал костоломный завод! Француз Юлий Гужон, потомственный русский фабрикант, построил завод в «Рогожке», на пустырях сельца Ново-Андроньевки, на берегу речки Золотой Рожок мозолистыми руками смоленских и нижегородских мужиков, сыновей недавних крепостных крестьян. Трубы железопрокатного завода задымили зимой 1884 года. Рабочие селились в трущобах Ново-Андроньевки. Славилось сельцо пьяным разгулом, грабежами, поножовщиной. Первые цехи были навесами на семи ветрах, огромными сараями. Делали в них гвозди, проволоку, мебельные пружины, шпильки для московских дамочек. Пудлинговщики, молотобойцы, вальцовщики надрывались по шестнадцать часов в день. Полицейщина, сыск, шпионаж опутали весь завод. И все же свет революционной зари стал проникать и в мрачные цехи «Гужона». Об этом можно судить хотя бы по такому истинно историческому объявлению:

> «ЧИТАТЬ В СТЕНАХ ЗАВОДА СТРОЖАЙШЕ ВОСПРЕЩАЕТСЯ. ЗА НАРУШЕНИЕ — ШТРАФ И ДРУГИЕ КАРАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВПЛОТЬ ДО УВОЛЬНЕНИЯ».

Мимо Андроньевского монастыря по «Владимирке», гремя кандалами, шли и шли каторжники в немыслимо далекую и страшную Сибирь. Молча, исподлобья глядели им вслед гужоновские пролетарии: по рукам слесарей, токарей, строгальщиков уже ходили первые марксистские листовки. В 1895 году провели первую маевку. Охранка лютовала. Шли аресты. Наперекор всему гужоновцы заставили администрацию оплатить дни простоя по случаю коронации Николая II летом

1896 года. Одним из пропагандистов Московского рабочего союза на заводе был родной брат Ленина Дмитрий Ильич Ульянов.

…Затаив дыхание слушали Костя Пахомов и его молодые друзья рассказы ветеранов о застрельщиках революции. Росла у юных рабочих гордость за родной завод. История русской революции как в зеркале отражалась в истории старого гужоновского завода: такие события, как I съезд РСДРП в марте 1898 года, создание после съезда Московского комитета РСДРП, партийное руководство стачечным движением — все это было теснейшим образом связано с жизнью и трудом старых гужоновцев. Помнили, как начали собирать, накапливать оружие и патроны. В воздухе пахло порохом — надвигалась первая русская революция!

Уже сразу после Кровавого воскресенья рабочие Гужона, не испугавшись полицейских и казаков, объявили забастовку. Впервые бастовали все рабочие. В октябре 1905-го рабочие не поверили и царскому манифесту, стали сколачивать рабочую дружину, участвовали с оружием в руках в похоронах Баумана, зверски убитого черносотенцами. На митингах и собраниях рабочие требовали создания заводского Совета депутатов. В Рогожском районе, как и на Пресне, выросли баррикады. Геройски дрались на них девять дней гужоновцы против драгун, казаков и полиции. Рабочие разоружили полицейский участок на Рогожской заставе, бросились на выручку к бойцам Красной Пресни. В реках крови потопил царизм первую революцию…

…Помнили на заводе слова поэта, обращенные к молодому поколению:

Не вы, другое поколение,
В тот год шло штурмом на царизм.
У вас — другое назначенье,
Трудом построить коммунизм.

Один за другим выступали ветераны перед молодыми рабочими тридцатых годов. И Костя Пахомов и будущие разведчики его группы, которых он еще не выделял среди молодых рабочих-серпомолотовцев, жадно впитывали опыт отцов и дедов, опыт революций и войн, пропахшую порохом и потом пролетарскую историю гужоновского завода.

Юлий Гужон стал символом контрреволюции — в 1906 году он возглавил оплот московских капиталистов — Общество фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района. О его «подвигах» рассказывали легенды: в самые тяжелые дни 1905 года шнырял он по заводу с наганом в руках, командовал

драгунами и казаками.

В 1909 году на заводе узнали, что Гужон-помещик получил письмо от Льва Толстого. Писатель просил миллионщика Гужона сбавить цену на землю в своем тульском имении, которую мечтали купить тульские крестьяне, земляки автора романа «Война и мир». Но Гужон остался неумолим. Какое дело было ему до писателя! И рабочие Гужона, связанные кровными узами с деревней, это запомнили. Крепко запомнили.

На Ленский расстрел гужоновцы ответили решительной забастовкой. Из фасонного к мартеновцам тайно доставляли большевистскую «Правду». Ленин писал о речи Гужона перед заводчиками и фабрикантами своего Общества: «Речь, как видите, не очень грамотная, похожая на речь какого-нибудь военного писаря, но зато полная амбиции».

Амбиции капиталистов, подобных Гужону, и привели к мировой войне. На войну ушли отцы будущих воинов Великой Отечественной. Гужон — его завод объявили оборонным — стал богатеть на военных заказах не по дням, а по часам. Всех неугодных тут же отсылали на фронт. Вовсю дымили мартеновские трубы. Рабочие впроголодь отрабатывали сверхурочные. И бастовали назло военщине. Не лежала у рабочего люда душа к этой войне. Большевики и тут были с гужоновцами — Землячка, Смидович, Скворцов-Степанов. Гужоновцы читали «Мать» Горького.

И вдруг — 27 февраля 17-го года набатным зовом разнеслось по всей России: «Граждане! Твердыни русского царизма пали… Столица в руках восставшего народа..» Ночная смена прекратила работу. С утра — митинги, братание с солдатами.

В октябрьских боях в Москве особо отличились гужоновцы-красногвардейцы. Они захватили кадетские корпуса и Алексеевское военное училище, штурмовали Кремль; в цехах завода ковали оружие — пики и кинжалы. А потом многие гужоновцы перешли в 1-й Московский Советский стрелковый полк, чтобы в борьбе с контрреволюцией отстоять свои завоевания.

Рухнула власть Гужонов. На трубе мартеновского цеха реял красный флаг. Но власть Советов надо было защищать. Именем пролетарской солидарности красногвардейцы бывшего завода Гужона освободили пленных немецких солдат, забрав у стражников оружие. Кто мог подумать тогда, что многие из этих немцев и сыновья их снова пойдут войной на Восток, против своих братьев по классу.

Большой Московский металлургический завод, бывший Гужона, стал собственностью Российской Советской

Федеративной Социалистической Республики. Вопреки страшной разрухе, топливному кризису, голоду, холоду, тифу, войне и интервенции завод жил, работал на фронт. А что же случилось с самим Гужоном? Ветеран-серпомолотовец поэт Яков Шведов, автор «Орленка», сказал мне:

— Гужон? Юлий Петрович? Старый хозяин нашего завода? Ну, как же!.. Его расстреляли сразу после освобождения Крыма и разгрома Врангеля. Он ведь там «Ласточкино гнездо» купил. Расстреляли… А автомобиль его, известный во всей Москве «Берлис», перешел к красному директору бывшего «Гужона». На то и революция..

Двенадцатое марта 1918 года. Эта дата навечно вписана в историю завода. Ильич только что прибыл из Ретрограда в Москву, куда ночью на трех поездах переехали Советское правительство и Центральный Комитет партии. Пронесся слух, что враги революции пытались по дороге напасть на поезд Ленина. И вот, не отдохнув с дороги, Ленин поехал на встречу с героическим московским пролетариатом, говорил зажигательно о ближайших задачах Советской республики. Это была первая, но не последняя встреча с любимым вождем.

В июле 1918 года завод послал отряд в Ярославль на борьбу с восставшими эсерами.

Партизанская традиция была очень сильна среди гужоновцев, как они еще долго по старинке называли себя. Еще в конце февраля 1918 года гужоновцы послали в Первый Московский партизанский отряд, созданный трудящимися Рогожско-Симоновского района, каждого десятого рабочего — четыреста бойцов. Многие были комсомольцами. В районе Новозыбкова отряд сразился с немецкими захватчиками и гайдамаками. Отважно дрались гужоновцы и в 38-м в Рогожско-Симоновско Советском полку на Царицынском фронте.

Костя Пахомов и будущие члены его разведгруппы с особым интересом слушали воспоминания бывалых партизан и фронтовиков, своих старших товарищей на заводе. Сердцем чувствовали они, что и им, молодым не миновать решающей схватки с врагом.

Седьмого ноября 1922 года решением правительства почти полностью восстановленный, работавший почти на полную мощь завод был переименован по просьбе гужоновцев, во славу союза рабочих и крестьян, в Большой металлургический завод «Серп и молот». Когда хоронили Ленина, скорбно гудел со всеми заводами и фабриками страны и «Серп и молот». На ленинский призыв в партию откликнулись сначала десятки, а затем и сотни сталеваров, вальцовщиков, крючочников и подручных. Завод

помогал строить Шатурскую ГЭС, новые железнодорожные мосты, Балахнинский комбинат, участвовал во многих других важных новостройках. Все ярче разгорался свет над заставой Ильича. Заводской коллектив шел в первых рядах борцов за социалистическую индустриализацию страны. На помощь ударникам приходила новая техника. Завод рос и рос.

«Мы победили Гужона расейского, — писала „Мартеновка“, заводская многотиражка, — теперь мы должны победить Гужона европейского, американского!..»

Завод боролся за выпуск качественной стали. Сталь «Серпа и молота» нужна была доменным печам Магнитки, Кузнецка, Днепрострою и «Запорожстали». Сталь марки «М» требовалась молодой авиационной промышленности. На самолетах из этой стали летали Громов и Чкалов. Все на заводе понимали, что без военно-воздушных сил врага не одолеешь. Судьба будущих боев в «пятом океане» тоже решалась в цехах завода.

Вторую пятилетку серпомолотовцы выполнили в сентябре 1937 года — на десять месяцев раньше срока.

Серпомолотовцы гордились своим заводом, любили его и любовь эту стремились передать всем новичкам на заводе, таким, как Костя Пахомов. Они показывали ему пятиэтажный дом ударника у спрятанной в трубы речки Золотой Рожок, новый заводской клуб у древних стен Андроньева монастыря, новые большие цехи на земле бывшего Всехсвятского женского монастыря и, разумеется, профтехкомбинат в бывшей Анненгофской роще, где когда-то проводились маевки. Учебно-производственный комплекс включал в себя институт, техникум, ФЗУ, вечернюю рабочую школу. «Завод-втуз» — так теперь называли «Серп и молот». В небывалом почете стала книга на заводе, которую некогда объявил вне закона Гужон!

Костя Пахомов и его друзья-серпомолотовцы гордились заводской нержавейкой на станциях метро, на скульптуре Мухиной «Рабочий и колхозница», стоявшей на Парижской выставке у входа в советский павильон, напротив германского павильона. Нечего и говорить, что Костя гордился такими спортсменами-серпомолотовцами, как братья Серафим и Георгий Знаменские, как замечательный футболист Григорий Федотов. Повсюду узнавал он «СиМ» — сталь серпомолотовской марки. Она шла на легковые автомашины «М-1», нефтяные буры, боевые корабли. Страна требовала все больше и больше стали, и серпомолотовцы перекрывали рекорды Круппа — пушечного короля, обероружейника Гитлера. Костя Пахомов, Коля Галочкин, Коля Каган — все они, потомственные пролетарии, мечтали внести свой комсомольский вклад в вящую славу «Серпа и

молота». Впятеро разрослась территория завода. Появились на нем первые после Гужона «миллионеры», но это были рабочие-«миллионеры», сварившие на заводе более миллиона тонн стали. Такие «миллионеры» — первыми из ни были Свешников и Поваляев — пользовались всеобщим уважением. У серпомолотовцев, уже ставших забывать о прежних бараках и аварийных старых домах, появились добротные жилые дома в Ленинской слободе, два дачных поселка в Подмосковье. Весной 1939 года тысячи серпомолотовцев праздновали большое и радостное событие: правительство наградило завод орденом Ленина.

Костя радовался, праздновал вместе со всеми. На новом заводском пропуске указано, что он, конструктор Пахомов, работает на ордена Ленина заводе «Серп и молот». Не мог знать Костя, что не пройдет и трех лет, как он тоже будет награжден этим высшим орденом. Только посмертно.

Костя, придя на завод, увидел новые цехи и службы, магнитные краны, рольганги, троллейкары. Завод выпускал уже свыше 60 марок легированной стали. О заводе писали в газетах как о «форпосте технического прогресса, лаборатории передового опыта для всей металлургии страны…». В заводской многотиражке печаталась фантастическая повесть двух инженеров, заглядывавших в будущее завода, в такой далекий 1950 год. Но война неотвратимо надвигалась. Уже в 1940 году, во время боев с белофиннами, завод наладил производство хирургических игл для операций огнестрельных ранений из самой качественной стали.

Так было до войны. Так закалялась серпомолотовская сталь. Война должна была проверить ее закалку.

О войне говорили много и в газетах и по радио. Все пели «Если завтра война, если завтра в поход»; в Западной Европе война шла с сентября 1939 года, и все же так устроен человек, что в будущее смотрит он оптимистично и личные планы строит он, вовсе не сообразуясь с международной военно-политической конъюнктурой. Именно так поступил Костя Пахомов: молодой конструктор женился перед самой войной.

…О войне раньше всех узнал дежурный в парткоме. В то солнечное воскресное утро в парткоме было пусто. Дежурный сразу же стал звонить во все концы. В двенадцать ждали важное сообщение по радио. А бомбы из крупповской стали уже до зари рвались в Минске, Киеве, Севастополе. Непрерывно трезвонили телефоны. Из райкома партии на Большой Коммунистической звонил первый секретарь Данилин, спрашивал, как на заводе

встречена весть о вероломном нападении Германии.

…И вот, через тридцать с лишним лет, я сижу в этом парткоме, беседую с ветеранами-серпомолотовцами о том незабываемом первом дне войны.

В тот день завод увеличил скорость плавки. Стан «700» выдал полсотни тонн стали сверх плана. У проходной, на заводской площади, состоялся митинг. Мне показали фотографию этого митинга. Я искал и не находил в море взволнованных лиц своих боевых товарищей.

На митинге помощник начальника прокатного цеха Пономарев сказал от имени всех рабочих завода:

— Мы заявляем сегодня своему правительству: мы готовы! Нужно идти с винтовкой на фронт — хоть сейчас! Нужно работать сутки подряд — мы готовы!

И будущие герои-разведчики горячо аплодировали вместе со всеми.

Мало кто на заводе представлял себе, какая началась война, сколько лет продлится она, какой нанесет стране урон. В девять вечера по радио передали первую военную сводку. В ней говорилось, что авангард полевых войск Красной Армии отбил атаки гитлеровской армии на преобладающем протяжении границы.

— Эх, не успеем повоевать! — огорченно сказал в комитете комсомола семнадцатилетний Витя Ординарцев. Все же он оставил в комитете заявление — просил отправить его скорей на фронт.

В тот день пятьдесят тысяч комсомольцев Москвы написали такие заявления.

Назавтра читали постановление ЦК ВЛКСМ в «Комсомолке»:

> «ЦК ВЛКСМ требует, чтобы каждый комсомолец был готов с оружием в руках биться против напавшего, зазнавшегося врага, за Родину, за честь, за свободу».

В цехах появились лозунги: «Все для фронта, все Для победы!», «Невыполнение правительственного задания — это измена Родине!»

Третьего июля ЦК комсомола объявил о первой мобилизации на трудовой фронт. Витя Ординарцев хотел было тоже взяться за лопату, раз ему не давали винтовку, но в комитете комсомола объяснили, что пока поедут рыть противотанковые эскарпы старшеклассники, студенты, а рабочие-металлурги получают бронь.

Но вскоре ушли в народное ополчение и лучшие рабочие

завода. У печей, у станков их сменили женщины, безусые подростки, старики-пенсионеры. Первой в стране женщиной-сталеваром стала Надежда Савичева. Крючницей стала восемнадцатилетняя девушка Галя Пикулина. Старики становились многостаночниками. Мальчишки в цехах трудились по десять часов подряд. «Один за всех, за тебя весь цех!» — так говорили серпомолотовцы. Нет, такого не видывали на заводах Крупа! Залогом победы были массовый патриотизм, единство партии и народа в священной, народной войне.

Воочию, на живых, сиюминутных примерах видели будущие герои группы Кости Пахомова, как притворяются в жизнь боевые традиции серпомолотовцев, рабочей гвардии Москвы. В боевых буднях варил завод фронтовую сталь, и крепче стали становилась связь поколений.

Удивительная и глубокая по значению произошла на заводе история в то трудное время. Многие рабочие пошли в доноры, по пятнадцать, двадцать и более раз от давали кровь раненым фронтовикам. И вот весь завод всколыхнуло вдруг письмо от брата серпомолотовки Вали Ежовой: брат писал, что, когда в полевом госпитале ему сделали после ранения переливание крови, он узнал от медсестры, что донором, судя по фамилии адресу, была его родная сестра Валя. Какое чудесное и знаменательное совпадение! Но и во всех других случаях кровь доноров, отданная ради спасения раненых фронтовиков, была родной кровью. «Я Вас не знаю, так же, как и Вы меня, — писал один раненый командир работнице завода — донору, — но в моем сердце стучит что-то близкое и родное, — бьется Ваша кровь», Серпомолотовская кровь вливала новую силу и отвагу; в сердца воинов, делала их непобедимыми. Красная Армия и впрямь была кровь от крови, плоть от плот народной армией.

Чем занимались, что делали в те первые дни и недели Костя Пахомов и комсомольцы «Серпа и молота»? Теперь я знаю: «вкалывали» на заводе по двенадцать часов, рыли убежища, провожали старших товарищей в ополчение. На фронт среди первых ушли парторги и комсорги Уже погиб, ведя бойцов в атаку, секретарь парткома завода политрук Александр Сомов. Вся пятерка трудилась 17 августа на первом московском комсольском воскреснике. Заработок целиком пошел в фонд обороны. 22 августа на проходной цех упала тяжелая бомба с «Юнкерса». Трое суток восстанавливали прокатку. Фронт, судя по сводкам Совинформбюро, был еще где-то между Днепром и Десной, а на московском заводе пролилась кровь пятидесяти рабочих, пострадавших от фашистской бомбы. Для пахомовской пятерки это было боевым крещением.

На заводе зачитывались военными корреспонденциями правдиста Петра Лидова. Как же! Свой парень, серпомолотовец! Редактором «Мартеновки» работал в рабочей многотиражке закалялся как журналист. А серпомолотовец всегда серпомолотовец. В 1937 году в числе шести редакторов заводских газет Лидов был приглашен на работу в «Правду». Знали, что война застала его в Минске, где он после Прибалтики стал собственным корреспондентом «Правды» по Белоруссии. На первой странице «Правды» помещались короткие, как выстрел, сообщения Лидова.

А пока серпомолотовцы жизни не жалели, защищая, обороняя родной завод, исправно дежуря в разных секторах ПВО — в инженерно-технической, медико-санитарной, противохимической службах, службах безопасности и порядка, связи и оповещения, службе убежищ. Рабочие-рационализаторы изобрели противогаз, не мешавший разведчикам и телефонистам говорить и слушать. Об этом противогазе писала в специальной литовке выездная редакция газеты «Московский большевик».

В трудное лето 41-го коллектив завода сумел наладить выплавку нескольких новых марок стали для фронта, для победы. И это было подвигом. Подвигом людей, защищавших Родину.

Но немцы подходили все ближе, и вся комсомолия завода еще упорнее занималась военной подготовкой по программе всевобуча. С тяжелым чувством днем и ночью помогала заводская молодежь грузить в вагоны станы и рольганги для отправки на восток, в Омутнинск, а сталепроволочный и другие цехи — в Магнитогорск, Златоуст, Нижний Тагил. Давно ли «Серп и молот» помогал индустриализации Урала! Теперь он сам перекочевывал на Урал. Десятого октября Государственный Комитет Обороны постановил перебазировать вместе со всей оборонной техникой и металлургическую технику. Четырнадцатого начался демонтаж основных цехов.

Костя Пахомов к этому времени был известен всем и каждому на заводе — он был редактором «Мартеновки». Он не только помнил Петра Лидова — он сидел за его столом в редакции заводской многотиражки и нес на своих плечах тот груз, который раньше нес Лидов. В конструкторском бюро его считали одним из способнейших молодых конструкторов. Трудно было узнать в нем того паренька, что пришел на завод из школы ФЗО в 33-м году. В коллективе он славился как прекрасный альпинист и лыжник. Он быстро стал вожаком молодежи, всегдашним заводилой интересных комсомольских дел. Сам он был из Краснодара, где родился тогда, когда город назывался еще Екатеринодаром. Он любил рассказывать о своем родном городе на Кубани порой

называл себя казаком. Жил вдвоем с матерью Анной Николаевной. В Москву перебрался еще школьником. После семилетки работал на заводе монтером, учился в заводском техникуме. После техникума учила в заводском Металлургическом институте. Окончив институт, перешел в КБ. Очень скоро начал выполнять свой личный план на сто пятьдесят процентов. Его друзья-спортсмены запомнили его как бесстрашного и находчивого альпиниста, верного и надежного друга в горах. Из любого положения находил Костя выход, никогда не теряя редкостного хладнокровия. С ним было весело и интересно.

И вот настал день, когда в последний раз Костя Пахомов и его товарищи, сдав пропуска, вышли из заводской проходной на Золоторожский вал. С тоской оглянулнсь они на родной завод. Трубы его не дымили. Не дымила и единственная труба, оставшаяся от Гужона Опустел огромный завод. Но нет, не достанется он Круппу!

На Волоколамском направлении немцы вновь перешли в наступление. Войска 16-й армии Западного фронта с трудом отражали удар 46-го моторизованного корпуса, направленный по приказу ставки фюрера встык Волоколамского и Можайского укрепрайонов. Четвертая армия вермахта находилась уже в 80 километрах от Москвы. Дипломатический корпус покинул Москву. Гитлеровцы были убеждены, что операция «Тайфун» сокрушит большевистскую столицу.

Но именно в эти, самые тревожные дни войны как никогда громко зазвучал боевой призыв партии. По радио выступил А. С. Щербаков. «Над Москвой нависла угроза, — сказал Щербаков. — Но за Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови… Товарищи москвичи! Каждый из нас, на каком бы посту он ни стоял, какую бы работу ни выполнял, пусть будет бойцом армии, отстаивающей Москву от фашистских захватчиков».

К москвичам обратился и Московский Совет: «Москвы не отдадим! Москва будет советской!..»

А 19 октября Государственный Комитет Обороны принял решение ввести со следующего дня осадное положение в столице и в прилегающих к ней районах.

Именно в эти дни октября сорок первого взялась за оружие пятерка с заставы Ильича.

По рекомендации комсорга «Серпа и молота» райком комсомола направил пахомовскую пятерку в МК ВЛКСМ, находившийся в Колпачном переулке. Еще в июле ЦК партии

принял постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». Особая роль в организации борьбы во вражеском тылу отводилась Ленинскому комсомолу. Во время одного из первых налетов «Люфтваффе» на Москву самолеты генерал-фельдмаршала Кессельринга разбомбили многоэтажное здание Московского городского комитета комсомола на улице Куйбышева. Боевой штаб московских комсомольцев перебрался в дом ЦК ВЛКСМ, но и там упала фашистская бомба. Горком, обком и ЦК комсомола переехали в Колпачный переулок. Добровольцев принимали секретари ЦК и МК комсомола. Секретарь ЦК ВЛКСМ Николай Михайлов питал к серпомолотовцам понятную слабость — сам с 1924 года работал на заводе листопро-катчиком. В партизаны-разведчики отбирали лучших из лучших. Серпомолотовцы прошли все. И все получили строгий наказ: никому, даже матери и отцу, ни слова, куда, на какое дело они уходят. Ушел, мол, в армию, и все!

— Ухожу ненадолго в армию, — сказал Костя Пахомов молодой жене. — Расколошматим фашистов к зиме…

И вот пятеро заводских парней приходят к кинотеатру «Колизей» на Чистых прудах. Чего-то ждут, делая вид, что интересуются афишами. Подходят другие незнакомые ребята и девчата, украдкой осматривают друг друга. А потом подъезжает открытая трехтонка «ЗИС-5», и всех — собралось около двадцати комсомольцев с «Серпа и молота», ЗИСа, «Динамо», «Москабеля» — отвозят в Кунцево. Неподалеку черту города пересекает Минское шоссе. В дачном поселке разместились в опустевших дачах. Сразу же взялись за боевую подготовку, под дождем стреляли по мишеням боевыми патронами.

Костя Пахомов хорошо знал Кунцево. Бывало, приезжал сюда в выходной день купаться в Москве-реке.

После ужина долго и обстоятельно с ними беседовал Никита Дорофеевич Дронов. Полковой комиссар, бывший питерский рабочий, участник штурма Зимнего, будущий Герой Советского Союза — все называли его «Папаша» — рассказал, что волонтеры комсомола-вчерашние рабочие, студенты, старшеклассники — зачислены в особую войсковую часть 9903 при Военсовете Западного фронта. Эта разведывательно-диверсионная часть сколачивает, обучает и засылает разведчиков в тылы наступающих гитлеровских войск. Пятерке с заставы Ильича не суждено было узнать, что часть 9903 прославится такими героями, как Зоя Космодемьянская, Вера Волошина, Леля Колесова, Константин Заслонов, Григорий Линьков.

К сталеварам комиссар отнесся с особым вниманием:

— А, гегемон, рабочая косточка! Цвет комсомола! Небось

хотите вместе, в одну группу?

— А как же! — ответил за всех Пахомов. — Один за всех, за тебя весь цех!

Немцы напоминали о себе и в Кунцеве. В ночь на 25 октября разведчики, проснувшись, наскоро одевшись, по тревоге выбегали из дач, смотрели в сторону Москвы. Над родной столицей гроздьями висели на парашютиках ослепительные САБ — светящиеся авиационные бомбы, плясали лучи прожекторов. К серебристому мотыльку-самолету тянулись цветные трассы пуль зенитных пулеметов. Картина была величавая, грозная, даже красивая — если бы внизу была не Москва, родной дом с матерью, с сестрами, жена…

А 26 октября сообщение Лидова с фронта было озаглавлено: «Ожесточенные бои на подступах к Москве».

В те дни газеты были полны такими заголовками: «Взбесившийся фашистский зверь угрожает Москве — великой столице СССР», «Преградить дорогу врагу», «Драться до последней капли крови».

Из Москвы выехали в открытой трехтонке в своей гражданской одежде — в москвошвеевских зимних пальто, в недорогих «семисезонках», купленных до войны на первые трудовые деньги в московских универмагах, в штопаных-перештопаных материнскими руками носках. Словно едут ребята не в тыл врага, а «на картошку». Но в руках — винтовки. В заплечных мешках — смена белья, продуктов на неделю и, главное, гранаты, тол, запас патронов, мины-противопехотки, головые шашки с бикфордовым шнуром и взрывателями.

Ехали по запруженному войсками Волоколамскому шоссе. Покровское-Стрешнево, куда Костя Пахомов не раз, бывало, приезжал летом купаться в Москве-реке, сыграть с ребятами в футбол, побродить в сосновом бору. Так и нахлынули на Костю довоенные воспоминания. Вот Тушино. Лес, овраги. Где-то тут почти три с половиной века назад стоял лагерем Лжедмитрий II, «тушинский вор». По истории проходили. На воздушные парады сюда приезжали. Костя в здешний аэроклуб мечтал попасть. А сейчас «вал» самозванца изрыт свежими окопами, «начинен» дзотами.

С небывалой остротой ощутил вдруг Костя связь времен, ощутил себя потомком, наследником не только борцов революции, но и всех героев и защитников России, понял, что за всю историю Родины он теперь в ответе, за прошлое и будущее ее…

Проехали Красногорск, Опалиху. Говорят, в Опалихе жил опальный патриарх всея Руси Никон, потому и Опалихой

прозвали.

Нахабино, Дедовск, Снегири… Уж более двух часов в пути. Когда подъезжали к Истре, слышали отчетливо грохот орудий. Ребята изрядно продрогли в открытом кузове, но этот гром заставил их забыть о холоде. У всех сильнее забилось сердце. Фронт был совсем рядом.

— Охотники у нас имеются? — спросил Костя Пахомов. — Сейчас самая охота тут на зайца и лисицу.

— А мы будем охотиться на фашистских волков, — с усмешкой проговорил Кирьяков.

— Ну что ж, — оживился Костя, — на волков у нас всюду разрешается охота, в любое время года.

Сопровождал группу до линии фронта «направленец» старший лейтенант Михаил Клейменов.

Линию фронта перешли в темную осеннюю ночь где-то близ деревни Ченцы, у Волоколамского шоссе. В группе было восемь разведчиков-подрывников: пятерка серпомолотовцев во главе с Костей Пахомовым, назначенным командиром группы, молоденький Ваня Маненков с «Москабеля» и две юные девушки-студентки из Московского художественно-промышленного училища имени Калинина — Женя Полтавская и Шура Луковина-Грибкова. Первое задание было кратковременным — разведчики надеялись вернуться в часть к празднику — к двадцать четвертой годовщине Октября. Почти все они были моложе Октября. Костя Пахомов был ровесником революции.

— Мы в тылу врага, — говорил Костя Пахомов ребятам, — но мы на своей земле, а враг — на чужой. Партизан, как Антей, силен своей связью с матерью-землей.

Группа минировала по ночам шоссе и большаки, разбрасывала «колючки» на проселках в тылу 5-го армейского корпуса генерала Рихарда Руофа, который потом будет штурмовать «Малую землю» под Новороссийском.

Костя Пахомов еще совсем не воевал. Ни разу не ходил в тыл врага. Наверно, из него получился бы хороший командир. Наверно. Но судьба отмерила ему обидно мало времени на войне. Ему не суждено было дожить до победы, большой Победы.

Перед выходом на главное задание ребята тихонько пропели свою любимую песню — «Орленок».

…..Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет…

Серпомолотовцы считали эту песню своей. Как же! Ведь слова сочинил бывший рабочий завода поэт Яков Шведов!

Непроглядной ноябрьской ночью восьмерка диверсантов во главе с Костей Пахомовым, ловко обойдя многочисленные посты и заставы, проникла на окраину кишевшего немецкими войсками Волоколамска, чтобы совершить крупную диверсию, чтобы хоть ненадолго задержать в эти решающие дни рвавшихся к Москве немцев. Лишь случайно обнаружили диверсантов часовые. Они подняли тревогу, вызвали караульную команду. По приказу дежурного офицера в штабе коменданта и начальника гарнизона Волоколамска немедленно выехала мотоциклетная рота…

На рассвете 5 ноября диверсантов окружили на городском кладбище. Там среди мрачных могил и крестов они приняли последний бой. Отбивались отчаянно, прячась за могильными плитами, за тронутыми инеем могилами. Над кладбищем, разгоняя промозглую мглу позднего рассвета, одна за другой вспыхивали выпускаемые гитлеровцами осветительные ракеты, озаряя призрачным дрожащим светом голые кладбищенские березы. Ракеты падали, описывая дугу, и тени покосившихся крестов кружились жутким хороводом…

«Взять диверсантов живыми!» Таков был приказ. И гитлеровцы медленно суживали кольцо окружения, заперев все выходы с кладбища.

— В голову не стрелять! — кричал гауптман, прячась за густой цепью автоматчиков. — Бейте по рукам и ногам!

Москвичи отбивались гранатами, бутылками с горючей смесью. Яркие сполохи желтого пламени выхватывали из тьмы фигуры в приплюснутых стальных касках.

Командир группы Костя Пахомов вел огонь из автомата ППД. Остальные ребята отстреливались из винтовок. Девушки, Женя и Шура, били по врагу из наганов. Но их огонь все слабел. Кончились патроны, уже не оставалось гранат…

Женя и Шура, сами не раз раненные, перевязывали раны ребят. Одни уже не могли стрелять, другие отмахивались от девчат в пылу боевой горячки. Паша Кирьянов, физрук фасонно-литейного цеха, что-то кричал, яростное и отчаянное.

И вдруг по команде офицера из-за могил выросли серые тени. Со всех сторон навалились немцы. Рукопашная длилась недолго. Смолкла стрельба. Кругом, торжествуя, орали фельджандармы и солдаты. Женю и Шуру, а также каждого из парней мертвой хваткой держали трое, а то и четверо немцев.

Их поставили на ноги и, осыпая ударами, тыча коваными прикладами маузеровских винтовок, повели с кладбища. Могилы остались позади, но Женя, оглянувшись на восток, в сторону Москвы, увидала пасмурное небо, низкие темные тучи и поняла, что больше никогда не увидит солнца.

Их остановили на площади и по одному стали вводить в небольшой дом, в котором разместился какой-то немецкий штаб.

Ничем не приметен был прежде этот дом. Дом № 32 по Новосолдатской улице. Хозяйкой в нем была Полина Даниловна Зимина. Немцы выставили ее из дома, но на русской печке, свернувшись незаметным клубком, оставалась ее тринадцатилетняя дочка Лина. Она видела, как пленных партизан вводили поодиночке одного за другим. На них было страшно смотреть — все в крови. Двух внесли, вернее, втащили — они уже не могли сами идти. Длился допрос долго, чуть не три часа. Переводчик, сидя в углу, записывал вопросы и ответы, но записывать особенно было нечего. Партизаны попались неразговорчивые.

Первым допрашивали Костю Пахомова.

— Фамилия? — спросил офицер.

Костя не отвечал.

— Сколько лет?

— Двадцать четыре.

— Откуда? — быстро спросил ободренный офицер.

— Из Москвы.

— О, из Москвы! — почтительно и словно обрадовавшись произнес офицер. — Кто послал вас?

— Больше я вам не скажу ни слова. И Костя замолчал.

Ему грозили, но редактор серпомолотовской «Мартеновки» молчал.

К дому, в котором шел допрос, подкатил больший лимузин со штандартом на правом крыле. Из машины в сопровождении адъютанта вышел генерал. Золотые арабески на стоячем воротнике, золотое шитье на фуражке, красные отвороты длинной щегольской шинели. Он вошел в дом, уселся за стол. По вопросам, которые он задавал через переводчика, было ясно, что его интересуют прежде всего данные об обороне Москвы на ее ближних подступах, в районе Волоколамского шоссе, под Дедовском, Нахабином и Красногорском. Но москвичи не отвечали на его вопросы.

Вторым допрашивали Колю Галочкина.

Николаю Галочкину было семнадцать, когда он пришел в 1934 году на завод. Коля был самым близким другом Кости Пахомова. Они вместе работали в КБ. А раньше Коля работал плановиком фасонно-литейного цеха. Уже там он начал вносить смелые рационализаторские предложения. Как и Костя, он был способным конструктором. Как и Костя, окончил Металлургический институт. Вместе с Костей записался в команду МПВО, чтобы оборонять завод от фашистских бомб,

когда началась война. И вместе с Костей ушел в партизаны, а в группе Костя сделал друга своим заместителем.

Коля Галочкнн молчал.

Третьим допрашивали Николая Кагана.

Николаю Кагану было двадцать шесть лет. Родился он в Витебске. С пятнадцати лет учился ремеслу на керамическо-стекольном заводе. В комсомол вступил в семнадцать лет. На заводе «Серп и молот» работал сначала мастером в котельной, затем механиком в тепловом цехе. Не по годам серьезный, усидчивый, он окончил без отрыва от производства вечерний Металлургический институт. Был немногословен, но считался на заводе лучшим агитатором. Его единогласно избрали в заводской комитет комсомола. В последнем предвоенном году вступил в кандидаты партии.

Николай Каган молчал.

Четвертым допрашивали Павла Кирьякова.

Павел Кирьяков славился на заводе как лучший крановщик завалочной машины. Портрет его не сходил с красной доски. Стахановца Кирьякова знали все. Родом он был из деревни Бурьерки Рязанской области. Когда ему было десять лет, его взяла к себе в Москву его сестра. После ФЗУ пошел в фасонно-литейный цех завода, стал машинистом завалочной машины. Его машина не знала простоев и аварий. Павел успешно окончил курсы мастеров социалистического труда. Его постоянно выбирали в цеховой комитет комсомола. В свободное время он упражнялся в стрельбе, стал снайпером и организовал стрелковый кружок. В 40-м году, когда началась война с белофиннами, он добровольно пошел в лыжный батальон и только после победы вернулся на родной завод.

Павел Кирьяков молчал.

Пятым допрашивали Виктора Ординарцева.

Восемнадцатилетний Виктор Ординарцев в шутку говорил, что он в группе самый старый серпомолотовец, потому что у него с заводом была связана вся жизнь — еще в раннем детстве отец, гужоновец с 1905 года, сказал ему, что он пойдет работать только на этот завод после школы. Василий Прокофьевич, кавалер ордена Ленина, был на заводе знатным человеком и мечтал, что и сын его Виктор станет настоящим рабочим. Вообще-то у Василия Прокофьевича и его супруги Екатерины Ивановны было девять детей. Это была большая и дружная семья. Виктор стал на заводе слесарем, собирался окончить заводской институт. Отец гордился им — Виктор выполнял норму на 150 процентов. Несмотря на свои юные годы, он прославился как один из лучших футболистов заводской команды. Над кроватью у него висел портрет Валерия

Чкалова — голубая мечта Виктора звала его в «пятый океан». Планы у него были большие и увлекательные. В комсомол вступил в октябре 41-го, перед уходом в партизаны.

Виктор Ординарцев молчал.

Шестым вызвали на допрос Ваню Маненкова.

Ваня Маненков был родом из Клина. В 1937 году ему исполнилось пятнадцать лет, когда он поступил на московский завод «Москабель» и одновременно стал учиться в ФЗУ. В 40-м году только двое выпускников этого ФЗУ получили второй разряд, и одним из них был Ваня. У него были золотые руки. Он выполнял высокоразрядные работы и быстро стал стахановцем. Член цехового бюро ВЛКСМ, он пользовался авторитетом среди молодежи завода. Он на все находил время: редактировал цеховую стенгазету, устраивал стрелковые соревнования, организовывал военные кружки.

Ваня Маненков молчал.

Вызвали Шуру Луковину-Грибкову.

Шура попросила у немцев воды, и те с готовностью дали ей напиться. Но она тоже отказалась отвечать на вопросы.

Родилась Шура под Москвой — в деревне Устье Угодско-Заводского района Московской области, не так уж далеко от Волоколамска. «Семья у меня серпомолотовская, — говаривала Шура, — мать — колхозница из батрачек, отец — рабочий». Такой родословной Шура гордилась. Любила вспоминать, что мама смолоду прослыла бунтаркой — была заводилой в забастовках батраков и сельских рабочих, участвовала в октябрьских боях 1917 года в Москве, воевала на фронте во время гражданской войны. Отец старался от матери не отставать, боевые были пролетарии. Шура в мать. Впервые о Шуре заговорили в деревне, когда она, начинающий селькор, напечатала в районной газете острую заметку о плохом отношении к лошадям в ее родном колхозе. Заметка крепко помогла, и даже взрослые в Устье зауважали девчонку. С детства Шура много и хорошо рисовала карандашом. Ее наброски посылали даже в райцентр на выставку. Еще пионеркой с большим успехом оформляла праздничные номера стенгазет, не наклеивая вырезанные из журналов портреты и иллюстрации, а рисуя сама. И еще было у нее одно редкое увлечение: любила она срисовывать орнамент старинных наличников, народных вышивок. Потом это пригодилось ей в училище.

Нелегко Шуре было жить в Москве на крошечную стипендию. Из дома денег ей не могли присылать. Наоборот, Шура сама хотела помогать родным. И она пошла вечерами работать на мебельную фабрику. Еще одновременно училась на курсах

шоферов, занималась гимнастикой, лыжами и стрельбой, что ей тоже позже пригодилось. В училище Шура была любимицей всего курса. Ее дипломная работа — «Интерьер в госпитале» — поразила преподавателей своей зрелостью, вдумчивостью. Пожалуй, она могла бы стать знаменитой спортсменкой-легкоатлетом. «Мне хочется сделать для Родины что-то очень большое и полезное», — говорила она подругам. Она серьезно занималась в оборонных кружках, мечтала стать военной летчицей. Когда грянула война, Шура организовала химзвено из своих подруг, а во время каникул работала бригадиром на своей фабрике, писала заявления в военкомат, просилась на фронт.

Шура молчала.

Выходя из дома, где стоял вражеский штаб, Шура пошатнулась и упала с крыльца. Конвоиры стали пинать ее коваными сапогами. Потом грубо подняли, дотащили до товарищей, и те помогли ей удержаться на ногах.

Настала очередь Жени Полтавской. Ее допрашивали последней.

Она назвалась Клавой, на вопросы не отвечала.

Женя родилась в 1920 году в семье старых большевиков в Белоруссии. Вся жизнь в этой семье была озарена романтикой большевистского подполья, революции и гражданской войны. Женя всегда стремилась быть достойной своих родителей, видевших, слышавших Ленина. С детства страстно любила музыку, театр, живопись. С первых дней войны она попала на трудфронт, рыла окопы, но мечтала уйти на фронт…

Никто из подруг не верил, что «Женьку-морячку» возьмут на фронт — уж больно невоинственной с виду была эта миловидная хохотушка. А морячкой ее называли потому, что она всегда щеголяла в тельняшке и уверяла, что выйдет замуж только за морского волка; за романтика моря.

После окопов Женя стала вечерами работать на номерном военном заводе, делала мины. И в цехе не переставала заливаться она хохотом по малейшему поводу и даже без повода.

Недолгий допрос казался бесконечным. В прокуренной комнате пахло немецкими сигаретами. Генерал сердился. Офицеры сидели в шинелях за столом. Конвоиры стояли за спиной.

— Кто вас послал в Волоколамск? — спрашивал офицер с витыми погонами через переводчика.

Женя молчала. Она не видела лица допрашивавшего ее офицера, плохо слышала его.

Кто послал ее в Волоколамск? Она сама вызвалась идти в тыл врага. Вместе с Шурой они приставали к комсоргу

художественного училища до тех пор, пока он не направил их через Краснопресненский райком комсомола в ЦК комсомола, где работала специальная комиссия по отбору добровольцев. Их принял секретарь МК ВЛКСМ. В партизаны брали далеко не всех. А ее с Шурой взяли, велели явиться в определенный час к кинотеатру «Колизей». Это было всего с неделю тому назад. Был солнечный октябрьский день, и Женя любовалась раскраской опавших листьев на Чистых прудах и отражением легких белых облаков в воде. Провожавшие ее и Шуру подруги плакали, а Женя смеялась… Оказалось, что в/ч 9903, бойцами которой стали девушки, расположена совсем близко от общежития Художественного училища в Баковке, всего в трех остановках по Московско-Белорусской железной дороге. Даже речка та же — Сетунь. Шура и Женя отпросились у начальства, съездили к подругам в общежитие, обещали часто приезжать. Очень хотелось приехать, показаться девчатам в форме. Но форму Женя и Шура так и не успели получить.

— Кто командует вашей частью?

В первый же день в части подруги познакомились с командиром части майором Спрогисом и полковым комиссаром Дроновым. Командир войсковой части 9903, бывший партизан, чекист, герой Испании, был особо уполномоченным представителем Военного совета Западного фронта. Это он, товарищ С, вместе с комиссаром Д. сколачивал и засылал в тыл наступавших гитлеровских войск диверсионные группы из комсомольцев, добровольно вызвавшихся на самое трудное на войне дело.

Мечтала Женя стать художницей, а стала диверсантом, пришлось ей в девятнадцать лет сменить кисть и мольберт на винтовку и гранаты.

— Где и как вас готовили?

Немцы рвались к Москве. Времени на подготовку отводилось совсем немного. Учились стрелять и бросать гранаты в овражке — у речки Сетунь южнее Кунцева, ходили по азимуту по сосновым борам и облетевшим подмосковным рощам, по опустевшим дачным поселкам, изучали подрывное дело…

— Куда переброшены другие группы вашей части?

В последнюю ночь перед переходом через линию фронта Женя допоздна разговаривала с молоденькой Девушкой из 201-й московской школы. Эта сероглазая девушка с мальчишечьей прической мечтала о подвиге; готова была на любое дело и, казалось, совсем не знала страха. А вот она, Женя, знала, что такое страх, а все-таки тоже была готова на все…

— Я клянусь, клянусь выполнить задание или умереть! —

сказала ей на прощание сероглазая.

И она тоже прошептала:

— И я клянусь…

Это было где-то у линии фронта, у деревни Ченцы. В ту ночь линию фронта перешли четыре разведгруппы: Пахомова, Буташина, Бутковского и Михаила Соколова, с которым шла Зоя Космодемьянская.

— Как фамилии других диверсантов вашей части?

Женя долго глядела вслед той сероглазой девушке в коричневом пальтишке с черным воротником. Ее звали Зоей, Зоей Космодемьянской, она уходила в тыл врага с другой группой, вместе с Верой Волошиной и Клавой Милорадовой… Многих помнит Женя, за неделю она крепко сдружилась и с Лелей Колесовой и с Катей Пожарской… Но назвать их имена — значит совершить предательство. Женя будет молчать.

— У вас, наверное, есть мать, — с наигранным сочувствием произнес офицер. — Неужели вам ее не жалко?

— Вы лучше себя пожалейте! — выпалила Женя. — Проклятые!

Генерал подался вперед. Его белесо-голубые глаза буравили глаза девушки.

— Скажите, фрейлейн, какие войска, какая техника встречалась вам на Волоколамском шоссе, когда вас везли из Москвы?

Женя, конечно, не знала, что в те критические дни Ставка Верховного Главнокомандования, сосредоточивая втайне под Москвой свежие сибирские и дальневосточные соединения стрелковых и танковых войск, особое внимание уделяла Волоколамско-Клинскому и Истринскому направлениям, где ожидался главный удар бронированного кулака Гитлера. Но ох сколько видела она всякой техники, сколько войск по дороге из Москвы! Но об этом она никогда не скажет этому индюку с моноклем.

Генерал, багровый от гнева, что-то коротко бросил офицеру и, выйдя из дома, тут же укатил в город на своем черном лимузине.

Никто из восьми не сказал ни слова.

…Они стояли на широкой Солдатской площади, окруженные со всех сторон плотной, шумной толпой гитлеровцев в сизо-зеленых куцых шинелях. Крылья пилоток с серебряным орлом вермахта и трехцветной кокардой опущены на уши, на груди болтаются черные «шмайссеры», из широких голенищ торчат гранаты-«колотушки». Среди гренадеров в форме защитного цвета

«фельдграу» чернеют комбинезоны танкистов с эмблемой «мертвой головы», похожей на знак «Ваффен СС».

— Партизанен! Диверсантен! — галдят по-своему немцы, в упор разглядывая обезоруженных, израненных, окровавленных парней и девчат.

Серпомолотовцы помнили стихи своего заводского поэта, рабочего листопрокатного цеха Миши Железнова:

Отчизна! Я для твоего бессмертья
Всегда готов пожертвовать собой!..

Пусть смотрят фрицы, пусть видит родной народ, как умирают сталевары!

— Славен зинд склавен! — гогочут немцы. «Славяне-рабы!»

Над древними колокольнями и луковками церквей Волоколамска повисло хмурое, мглистое небо. Студеный ноябрьский ветер несет палые листья, охапками швыряет их под ноги немецких солдат. Волоколамск, город старый, как и Москва, боевой форпост столицы…

Гудят и грохочут, проезжая краем площади, семитонные крытые бюссинги и танки «М-4» из 40-го танкового корпуса, идут и идут через дымящийся город на юго-восток, на Москву, войска генерал-полковника Эриха Гепнера, командующего 4-й панцирной группой.

Стиснув зубы, превозмогая все усиливающуюся боль от ран, Женя смотрит поверх голов гитлеровцев на нескончаемые войсковые колонны, машинально считает танки и бронетранспортеры. Но она знает: ни ей, ни ее друзьям по группе не суждено вернуться обратно за линию фронта, чтобы рассказать об увиденном в тылу врага.

Женя Полтавская встречается взглядом с глазами немцев, стараясь прочесть в голубых глазах пруссаков, что ее ждет. Эти молодые красномордые фашисты смотрят на девушку-партизанку не столько с ненавистью и злобой, сколько с любопытством и удивлением. Да и как им не удивляться! В начале октября, когда началась операция «Тайфун», их панцирная группа прорвала русский фронт в районе Рославля и повернула на север, замкнув кольцо окружения под Вязьмой. Ставка фюрера вскоре сообщила: «Советы потеряли восемьдесят дивизий!» Геббельс объявил: «Исход войны решен, и с Россией покончено!» Под рев сотни фанфар, исполнявших перед радиосводкой ставки фюрера победный мотив из «Прелюдов» Листа, Берлин перечислял все новые города, захваченные вермахтом под Москвой в ходе операции «Тайфун». Все трещит и рушится под неотразимым

натиском вермахта, и вдруг — эта горстка парней и две молоденькие девчонки, посмевшие встать на пути не знавших поражения завоевателей, гордых «остланд-рейтоз» — «рыцарей похода на Восток»!

Волоколамск, последний мало-мальски большой город перед столицей, пал в конце октября. Его взяли дивизии 5-го армейского корпуса. До Москвы остался один, один только дневной переход на танках и машинах! Но русские уперлись, канонада переместилась на восток и юго-восток, в район разъезда Дубосеково, что в шести километрах от Волоколамска. Через десять дней начнется второе генеральное наступление на Москву, второй натиск «Тайфуна». В эпицентре небывалого сражения на Волоколамском направлении 16 ноября совершат панфиловцы — двадцать восемь истребителей танков 1077-го стрелкового полка 316-й дивизии — свой бессмертный подвиг у разъезда Дубосеково. В смертном бою подобьют они восемнадцать танков, перебьют немало автоматчиков. И там же, на Волоколамском направлении, политрук Василий Антонович Чугреев, недавний председатель завкома завода «Серп и молот», погибнет смертью героя, бросив связку гранат под вражеский танк.

Эхо грохота сражения под городом долетит до Солдатской площади, взлетит воронье с виселицы…

«Панцерблиц» — молниеносная танковая атака вермахта, грозная, неотразимая, сокрушила все на своем пути в странах Западной Европы. Ни одна армия не могла устоять перед ней. А под Москвой ее стальной, грохочущий, извергающий огонь «шверпункт» разбился о солдатские сердца, которые оказались тверже крупповской брони. Двадцать восемь панфиловцев. Политрук Чугреев. Они погибли, но не пропустили врага к Москве.

Всю страну, весь мир облетели пламенные слова политрука Василия Клочкова, возглавившего подвиг панфиловцев: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!»

А 5 ноября, быть может, те самые танкисты и гренадеры-автоматчики, которым суждено было сразиться с панфиловцами, стояли, тесно окружив восьмерку обезоруженных разведчиков на Солдатской площади в Волоколамске.

Разведчики знали: сейчас они будут убиты. И Костя Пахомов тихо сказал, вспомнив серпомолотовскую поговорку:

— Выше голову, ребята! Один за всех, за тебя весь цех!

Немцы расстреляли их, а затем повесили.

…Я долго не понимал, почему немцы поступили именно так. Ведь всем им были известны приказы их «Оберкомандодер

вермахт», согласно которым партизаны в гражданском платье объявлялись вне военных законов и подлежали не расстрелу, а повешению.

И только через много лет я узнал от старика волоколамца, свидетеля той страшной казни, что ребята, истекавшие кровью, знавшие, что им нет спасения, вдруг обнялись, запели «Вставай, проклятьем заклейменный» и пошли стеной на стену врага.

Высокий и худой Костя Пахомов прокричал громко:

— Не страдайте за нас, родные! Бейте фашистскую мразь, жгите проклятых! Не бойтесь, Красная Армия скоро придет!

Тут-то и нарушили немцы приказ, изрешетили ребят пулями из черных автоматов. Умирая, Паша Кирьяков успел крикнуть:

— Смерть палачам!.. Да здравствует Родина!..

И Женя Полтавская крикнула:

— Мы все равно победим!

Их казнили вторично, повесили тесной шеренгой на одной виселице у старой кузни, там же, на Солдатской площади. С виселицей долго не возились — просто перекинули перекладину от столба к дереву.

До самого вечера немцы приходили к виселице и уходили, поглазев, пощелкав «лейками». Многие берегли пленку для Москвы. Одни говорили, будет большой парад, к нему уже все готово. Другие уверяли, что Гитлер не пустит ни одного солдата в Москву — вермахт окружит русскую столицу и уничтожит ее бомбами и снарядами.

…В тот вечер, как гласит запись, сделанная Мартином Борманом, помощником фюрера по нацистской партии, в «Волчьем логове» — главной ставке Гитлера в глухом Герлицком лесу под восточнопрусским городом Растенбургом — оберпалач Гитлер принимал СС-штандартенфюрера Бляшке и доктора Рихтера, хвалил вегетарианцев и уверял, что в нормальных условиях человек должен жить до ста восьмидесяти лет, хорошо питаться, быть ближе к природе. Фюрер порицал охотников за напрасное пролитие крови, но заявил, что высшая раса имеет право загнать низшую в Припятские болота. Он сказал, что лучшие в мире люди живут в долине Рейна. Он изрек, что Крым — это исконно германская земля, русские там — пришельцы. И еще: война приведет к краху еврейства, все евреи — обманщики, Европа выкинет их вон.

Фюрер говорил почти до утра.

…Всю ночь шумел промозглый ветер в Герлицком лесу и гнулись вековые сосны над железобетонными бункерами.

И всю ночь скрипела виселица с восемью повешенными в Волоколамске.

А с рассветом снова пришла солдатня, снова щелкали «лейками». Ревели дизели, грохотали танки. Из транспортеров неслась песня:

«Мы идем на Восток, на Восток,
за землей на Восток, на Восток…»

Волоколамские партизаны, раньше всех узнавшие о гибели восьми героев и поклявшиеся отомстить за них, сложили боевую песню:

Не сдадим столицы милой.
Здесь, фашист, погибнешь сам!
Будут Гитлеру могилой
Подмосковные леса.

В ночь на 7 ноября ударил мороз, пошел снег.

После казни прошло полтора месяца. Скованные морозом, твердые, как сталь, тела еще висели, когда в Волоколамск 20 декабря ворвались танкисты Катукова. Дважды казненные герои были преданы земле со всеми воинскими почестями. Кинооператор Роман Кармен запечатлел эти скорбные минуты на кинопленке. Через Волоколамск, мимо свежих могил на том самом кладбище, на котором на рассвете 5 ноября приняла свой последний бой отважная восьмерка, шли и шли войска 16-й и 20-й армий. Они шли на запад, а из репродукторов лились величаво-торжественные звуки бетховенской «Героической симфонии»…

Возмездие настигло палачей быстро и неотвратимо. Когда наши танкисты ворвались в Волоколамск, они обнаружили в городе и за ним много автомашин и боевой техники, брошенных немцами. Танкисты решили, что машины были оставлены потому, что в их радиаторах замерзла вода. Но это было не так. Дороги, ведущие из Волоколамска, были перекрыты парашютистами-десантниками капитана Ивана Старчака. Десантники штаба ВВС, закрывшие пути из города, вызвали панику, и часть отступавших гитлеровцев, бросив машины, выбиралась из города по проселкам целиной. На дорогах появились пугающие объявления: «Ахтунг! Русские парашютисты!» На столбах вдоль дорог висели убитые десантники. Но десантники Старчака сделали свое дело, истребив около четырехсот гитлеровцев. С грохотом взлетали мосты на дорогах, с лязгом и звоном свивались перерезанные провода полевой связи, падали в декабрьский снег сизо-зеленые фигурки гренадеров, падали, чтобы никогда уже не подняться.

Когда «остландрейтеры» повесили тела восьми расстрелянных героев, они прибили к столбу виселицы плакат с такими словами: «Так будет с каждым, кто встанет на нашем пути!»

Но гитлеровская угроза не устрашила товарищей пахомовцев, вставших на пути «Тайфуна». Всем угрозам наперекор, всем смертям назло вставали они на пути врага не только под Москвой, но и на всех дорогах по ту сторону фронта — под Минском и под Брестом, под Варшавой и Берлином. Сполна отомстили однополчане за казнь друзей.

В день казни восьми героев Волоколамска — в среду 5 ноября 1941 года — вермахт возобновил наступление на Тихвинском направлении. На Южном фронте немцы стремились обойти Ростов-на-Дону с севера через город Шахты. Под Москвой сто десять тысяч ее жителей трудились на строительстве внешнего оборонительного пояса столицы. Ни в газетах, ни по радио не сообщили о казни в Волоколамске. Почти четыре месяца пустовали почтовые ящики шести рабочих московских квартир, дожидаясь запоздалых похоронок.

В архиве советской военной разведки я видел обесцвеченную годами толстую тетрадь, озаглавленную «Безвозвратные потери разведчиков штаба Западного фронта» с грифами «Совершенно секретно. Хранить вечно». В этом длинном скорбном списке все разведчики группы Кости Пахомова числились без вести пропавшими в ноябре 1941 года.

По кинокадрам, по фотографиям разведчики нашей части опознали своих боевых друзей.

В номере «Правды» от 9 февраля 1942 года сообщалось: «От имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и отвагу Военный совет Западного фронта наградил орденами Ленина восемь отважных комсомольцев, народных героев, замученных немецкими мерзавцами в Волоколамске». Далее следовали имена героев.

Газета «Красная звезда» писала в декабре: «Мученики Волоколамска взывают о мщении. Вперед, бойцы! Смело идите в бой! Спешите! Каждый ваш успех поможет быстрее освобождать советские города и села. Вперед, бойцы!..

Ваша смелость и доблесть спасут тысячи и тысячи людей, томящихся в фашистском аду. Они ждут вас… Быть может, их сегодня ведут на казнь, как тех восьмерых… Мученики Волоколамска уже сейчас воздвигли себе памятник в сердцах советского народа. А когда грянет наша победа, мы их увидим в

мраморе и прекрасных скульптурах там, на святом месте, где они приняли смерть за свою верность Отчизне!»

Почти двадцать лет назад я ездил с большой делегацией Советского комитета ветеранов войны и серпомолотовцев на открытие обелиска в Волоколамске. Рядом с венком нашей делегации на могилу легли цветы, привезенные серпомолотовцами. Имена героев-мучеников не забудутся. Я стоял с непокрытой головой и думал о четырехстах боевых товарищах по в/ч 9903, которые не вернулись в ту осень и зиму с задания.

Не вернулась на родной завод после победы под Москвой и пятерка серпомолотовцев. К тому времени уже снова вовсю дымили трубы завода. Еще 21 декабря, на следующий день после освобождения Волоколамска, правительство приняло решение о прекращении эвакуации завода и о его срочном восстановлении. Снова вспыхнул свет над заставой Ильича. И этот свет, зажженный победой под Москвой, горячей кровью и героев-серпомолотовцев, разгорался все ярче. Снова хлынула потоком фронтовая московская сталь.

Сотнями ремонтировал он танки. Он был награжден Красным Знаменем Государственного Комитета Обороны, в канун Победы ему вручили орден Трудового Красного Знамени. Нелегко было заводу завоевать эту награду: он послал на фронт более 3500 своих работников! Не забывают комсомольцы завода и пятерых партизан-разведчиков, вставших насмерть на пути «Тайфуна». Я стою в заводском музее, смотрю на любовно оформленный стенд с фотографиями своих однополчан.

А вот еще один документ о прежде неизвестном мне герое.

За гибель друзей мстил в глубоком тылу врага и бывший стахановец, токарь завода «Серп и молот», физорг Борис Корн. Воспитанник комсомола, он тоже добровольно пошел в разведчики-партизаны. С Малой земли народный мститель писал товарищам на завод, рассказывал о своих боевых делах. О подвигах москвича в Полесье в конце 1943 года писала газета «Советская Беларусь». Будучи раненным, он взорвал связкой гранат вражеский дзот, преграждавший его отряду путь отхода, закрыл своим телом пулеметную амбразуру. И Борис Корн, партизанский Матросов, не забыл поговорку, рожденную на заставе Ильича: один за всех, за тебя весь цех.

К 30-летию Победы серпомолотовцы установили памятник героям Великой Отечественной, ушедшим на войну с родного завода. Золотом высечены на нем имена многих серпомолотовцев, коммунистов и беспартийных. Среди них — дорогие всему нашему народу имена:

К. Ф. ПАХОМОВ,

Н. А. ГАЛОЧКИН,

Н. С. КАГАН,

П. В. КИРЬЯКОВ,

В. В. ОРДИНАРЦЕВ.

Так вернулась на свой завод пятерка с заставы Ильича.